

Самый
важный
экзамен:
как *гаокао*
определяет
облик
Китая

Цзя Жуйсюэ и Ли Хунбинь
при участии Клэр Кузино

Издательство Института Гайдара

Жуйсюэ Цзя

**Самый важный экзамен. Как
гаокао определяет облик Китая**

«Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара»

2025

УДК 316.74:37+37.014.54(510)
ББК 60.524.12(5КИТ) + 65.240(5КИТ)

Цзя Ж.

Самый важный экзамен. Как гаокао определяет облик Китая /
Ж. Цзя — «Институт экономической политики имени Е.Т.
Гайдара», 2025

ISBN 978-5-93255-725-9

Ежегодно более ю млн абитуриентов по всему Китаю сдают гаокао — общенациональный вступительный экзамен, местный аналог ЕГЭ. Как и в России, в КНР поступление в вузы целиком определяется его результатами. Учитывая значимость высшего образования, неудивительно, что гаокао одержима чуть ли не вся нация. Опираясь на опросы, исторические исследования и политэкономический анализ, а также личный опыт прохождения этого сурового испытания, Цзя Жуйсюэ и Ли Хунбинь показывают, что китайская система образования функционирует как централизованный иерархический турнир. В книге объясняется, зачем подготовка к гаокао начинается еще с детского сада, почему затратная во всех отношениях гонка за максимальным баллом совершенно рациональна и оправдана, а также как экзаменационная система Китая служит интересам партии и государства и во многом обеспечивает экономический рост страны. Авторы обращают внимание и на долгосрочные последствия гаокао для китайского общества. Меритократическая форма экзамена подталкивает граждан сосредотачиваться на индивидуальных достижениях и игнорировать проблемы, связанные со структурным неравенством. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 316.74:37+37.014.54(510)
ББК 60.524.12(5КИТ) + 65.240(5КИТ)

ISBN 978-5-93255-725-9

© Цзя Ж., 2025

© Институт экономической политики
имени Е.Т. Гайдара, 2025

Содержание

Введение	7
Часть I	16
1	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Цзя Жуйсюэ, Ли Хунбинь

Самый важный экзамен

Как гаокао определяет облик Китая

ЦЗЯ ЖУЙСЮЭ:

Посвящается отцу, который удочерил меня и определил мой жизненный путь, и верному другу со студенческих лет Чжан Лу

ЛИ ХУНБИНЬ:

Посвящается родителям, мудрость которых открыла мне путь к образованию, а также жене Ван Цянь и детям Робину и Николасу, дарящим мне бесконечную радость и вдохновение

“Highest Exam: How the Gaokao Shapes China”

Copyright © 2025 by Ruixue Jia, Hongbin Li, and Claire Cousineau

Издано по договоренности с Harvard University Press при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

© Издательство Института Гайдара, 2026

Введение

Каждый июнь Китай на два дня замирает. Повсюду творится что-то необычайное. Мужчины на удачу наряжаются в традиционные платья-*ципао*¹, на перекрестках полиция требует от водителей абсолютной тишины, храмы переполнены молящимися, а у ворот тысяч школ бдят необычайно тихие толпы. Внимание всех СМИ приковано к единственному событию, от которого зависят судьбы миллионов вчерашних школьников и их близких – всех тех, кто вложил в эти два дня годы труда и немалые деньги и теперь возлагает на них особые надежды. Китай находится во власти вступительного экзамена *гаокао* (##).

Сразу после того, как в конце заключительного дня выпускники покидают экзаменационные аудитории, напряженная тишина уступает место шуму и суете. Социальные сети гудят: одни жалуются, что задания по математике в их провинции были сложнее, чем в соседних, другие обсуждают темы сочинений. Из любопытства многие взрослые и сами берутся пройти тест – получится ли не хуже, чем в школьные годы? – или, по крайней мере, внимательно изучают опубликованные задания.

Тем временем происходит смена караула: место школьников занимает армия преподавателей. В запертых гостиничных номерах по всей стране они без передышки проверяют непрерывно поступающий поток экзаменационных работ. У них есть не больше двух недель до того, как итоговые баллы должны быть обнародованы. Лучшие выпускники каждой провинции практически гарантированно получают место в престижном университете, а вместе с ним и шанс полностью изменить свою жизнь. Уже через месяц за ними начнут охоту университетские рекрутеры, стремящиеся заполучить их в свой вуз. В некоторых регионах отличников гаокао встречают как новоявленных знаменитостей. Их улыбки на местном телевидении словно говорят: «Если вы будете учиться так же усердно, как я, вы тоже сможете оказаться здесь». В других провинциях, наоборот, запрещено раскрывать их личности для защиты от чрезмерного внимания.

Впрочем, не так важно, известны ли имена лучших выпускников провинции или нет. Сам факт, что им может потребоваться защита, достаточно красноречив. Китайские родители твердо знают, что успех ребенка способен однажды в корне изменить их социальное положение, и готовы ради этого на все. На протяжении двенадцати лет, а то и дольше, основным занятием китайских школьников являются сотни контрольных работ и пробных тестирований. Драгоценное время после уроков проводится с репетиторами. Иногда такая одержимость учебной окупается поступлением в престижнейший университет. В других случаях одного недобранного балла – по собственной вине или из-за ошибки проверяющего – достаточно, чтобы отбросить выпускника туда, где его уделом будут лишь вузы второго или третьего эшелона. Реальность жестока. Все понимают, что результат этого экзамена останется с человеком на всю жизнь.

Гаокао – одна из немногих возможностей доказать свою значимость обществу и, что еще важнее, государству. Практически все китайцы прошли через национальную систему образования. Поэтому неважно, бросили ли вы школу недоучившись или сдавали его десять, двадцать или сорок лет назад, – каждый июнь неизбежно пробуждает эти воспоминания. Они могут быть приятными или не очень, но главное – от них невозможно скрыться, и лишь единицы могут позволить себе оставаться равнодушными.

¹ Приталенное платье *ципао* (##) появилось в колониальном Шанхае первой половины XX века и быстро стало одним из символов национальной женской моды. Связь между *ципао* и сдачей экзамена возникла в последние годы как игра слов, пошедшая от устойчивого выражения «водрузить знамя и одержать победу» (####, *ци кай дэ шэи*), в котором содержится тот же иероглиф. *Ципао* в знак поддержки в день экзамена обычно надевают матери и школьные учительницы выпускников, но иногда также отцы и учителя-мужчины. – Прим. науч. ред.

Таков экзамен, полное официальное наименование которого звучит как «единый общенациональный экзамен для поступления в обыкновенные высшие учебные заведения» (#####). Конечно, гаокао лишь один из сотен, если не тысяч экзаменов, которые школьники сдают за годы учебы. Причем это даже не последний рубеж – множество экзаменов ожидает студентов в вузе, их успешная сдача требуется для поступления на госслужбу и так далее. Разумеется, экзамены есть почти во всех странах, но лишь в Китае их значение настолько велико, что они служат основой всего общества, одновременно отражая и усиливая особенности его социальной структуры.

В последние десятилетия влияние китайской экзаменационной культуры незаметно вышло далеко за пределы самого Китая. Так, жители США могут даже не осознавать, насколько значительную роль она играет в их жизни. Десятилетия беспрецедентно быстрого развития закрепили за Китаем особое место в американском общественном сознании. Его присутствие ощущается во всем, от одежды и обуви до технологий и гаджетов. По некоторым прогнозам, в ближайшее десятилетие КНР сместит США с позиции крупнейшей экономики мира, а американский конгресс уже сосредоточился на сдерживании китайского экономического доминирования. Неудивительно, что на таком фоне все больше интереса вызывает китайская система образования. Экономисты давно понимают связь между образованием и экономикой: более образованное население обеспечивает рост производительности труда, что означает инновации и долгосрочное развитие. От уровня образования зависит, где появятся самые креативные ученые, самые продвинутые бизнес-лидеры и в конечном итоге наиболее квалифицированная рабочая сила. Эти факторы напрямую влияют на экономическую продуктивность и прирост ВВП.

Помимо большой политики, тесные связи между Китаем и США означают, что китайская система образования начала влиять на ситуацию в американских школах. По мере того как в классах становится все больше американцев азиатского происхождения в первом, втором и третьем поколении, все труднее игнорировать нарастающий конфликт ценностей. Самой громкой историей, пожалуй, стало решение Верховного суда по иску против Гарвардского университета, упразднившее многолетнюю практику позитивной дискриминации². Но менее заметные споры того же толка идут во всех штатах. Что происходит, когда ученики и родители, по-разному смотрящие на образование и критерии успеха, оказываются внутри одной школьной системы?

Несмотря на значение системы китайского образования на международной арене и для американских семей, ее внутреннее устройство по-прежнему малоизвестно даже тем, кто отвечает за разработку политики сдерживания КНР. Да, конгресс проводил экспертные слушания по этой теме, но, при всей их познавательности, невозможно за несколько часов составить целостный портрет столь обширной и сложной структуры. В какой-то момент мы, авторы этой книги, осознали, что в публичном пространстве нет ни одной работы, доступно и профессионально объясняющей функционирование китайской системы образования и соответствующих последствий для китайского общества. Поэтому несколько лет назад мы решили обобщить результаты более чем двух десятилетий исследований, дополнив их собственным жизненным опытом. Результат наших трудов перед вами.

² Речь идет о поданном в 2014 г. организацией «Студенты за справедливое поступление» (Students for Fair Admissions) в окружной суд Бостона иске против Гарвардского университета. По утверждению истцов, учебное заведение систематически занижало вступительные результаты абитуриентов азиатского происхождения в рамках политики приоритетного приема иных расовых групп (affirmative action), в первую очередь афроамериканцев. После рассмотрения в различных судебных инстанциях летом 2023 г. Верховный суд США постановил, что подобная практика противоречит четырнадцатой поправке к Конституции. – *Прим. науч. ред.*

* * *

Можно сказать, что наше исследование началось в тот день, когда мы впервые перешагнули школьный порог. Несмотря на десятилетнюю разницу в возрасте, авторы этой книги Ли Хунбинь и Цзя Жуйсюэ³ прошли в Китае идентичный путь: сначала начальная школа, затем младшая средняя и старшая средняя⁴ – и финальный аккорд в виде гаокао, открывший каждому из них двери одного из пекинских университетов. Личный опыт сначала в роли учеников, а потом преподавателей дал нам необходимый контекст и связи для проведения в дальнейшем уже полноценных академических исследований в Китае и США, несмотря на все более строгие ограничения на научную деятельность. В дополнение к этому, Ли Хунбинь имел возможность взглянуть на эту систему еще и глазами отца. Жизнь в Пекине, Гонконге и Калифорнии заставляла его ежедневно решать задачи, связанные с обучением двоих детей в стремительно меняющемся мире.

Ли Хунбинь рос в период перехода Китая от плановой экономики к рынку, поэтому его интерес к реформам весьма естественен. Сегодня его исследования охватывают спектр тем, объединенных сквозным вопросом: как устроена жизнь и экономика внутри централизованной системы Китая? В его работах образование это не просто продукт доминирования государства, а ключевая сила, влияющая на рынок труда, социальную справедливость, политический курс и экономическое развитие. Он рассматривает его как один из важнейших институтов, который отражает саму суть современного Китая.

Однако довольно быстро после начала исследований выяснилась нехватка данных для эмпирического анализа. Поэтому Ли Хунбинь основал и возглавил Центр социально-экономических данных по Китаю при Университете Цинхуа, который работал над сбором информации для академического сообщества. Центр проработал с 2009 по 2016 год и дал исследователям со всего мира доступ к значительному массиву официальных данных. Однако при всей своей масштабности эти данные больше подходили для правительственных докладов, чем для научных работ. Чувствуя потребность в более нюансированном анализе, Ли Хунбинь также проводил и полевые исследования. Вместе с коллегами из Цинхуа он запустил долгосрочный проект «Опрос студентов китайских вузов» (China College Student Survey, CCSS), в рамках которого по всей стране проводятся анкетирования, связанные с влиянием высшего образования и результатов гаокао на успехи выпускников на рынке труда. Кроме того, он запустил регулярный Опрос работодателей и работников Китая (China Employer-Employee Survey, CEES), изучающий динамику производственного сектора, с акцентом на влияние образования на трудовые показатели и экономическую эффективность.

Цзя Жуйсюэ была нежеланной дочерью. Вскоре после рождения родители отправили ее жить в приемную семью в небольшую деревню. До учебы в Пекине она ни разу не видела ни поезда, ни самолета, а знания о мире были почерпнуты из пыльных книг в деревенской библиотеке. Культурный шок от переезда в Пекин в шестнадцать лет был значительно сильнее, чем все, что ей довелось пережить позже во время учебы в Швеции или преподавания в Калифорнии и Лондоне. Этот ранний опыт пробудил в ней интерес к политической экономии. Почему некоторые группы людей обладают властью? Почему жители ее деревни казались довольными несмотря на неравенство? Почему авторы книг, которые она читала, зачастую происходили из

³ Ли Хунбинь (###) 1972 г.р., Цзя Жуйсюэ (###) 1984 г.р. – *Прим. науч. ред.*

⁴ Китайская школьная система состоит из трех уровней – начальная (шесть лет, ##), младшая средняя (три года, ##) и старшая средняя (три года, ##). Она распространилась в Китае в первой половине XX века под влиянием западной, прежде всего американской, системы образования. Массовое заимствование советских организационных практик после прихода к власти коммунистического руководства в 1949 г. глубоко повлияло на местное высшее образование, но практически не затронуло уже сложившуюся двенадцатилетнюю школьную систему «6 плюс 3 плюс 3». – *Прим. науч. ред.*

привилегированных, хорошо образованных семей с яркими историями, в то время как жизнь ее родных и друзей, казалось, была вычеркнута из реальности? Подобные вопросы сформировали ее мировоззрение и в итоге привели в политическую экономию.

Одно из направлений работы Цзя Жуйсюэ связано с эволюцией институтов власти в Китае. Среди них особо выделяется централизованная система экзаменов для отбора элиты, сформировавшаяся в эпоху правления династии Суй около 600 года н. э. Ее исследования касаются того, как эта система на протяжении истории влияла на госуправление, политическую стабильность и общественные ценности. Современная система образования в Китае сохранила в себе многие элементы императорских экзаменов, поэтому изучение исторической динамики проливает свет на ее влияние на общество. Оцифровка большого объема архивных документов и анализ административных данных позволил ей увидеть зеркальную схожесть новой и старой систем и раскрыть их на удивление схожую роль в отношениях с государством и обществом.

Многие влиятельные исследователи утверждают, что из-за своих недемократических институтов Китай неизбежно столкнется с проблемами в науке и инновациях. Однако достижения Китая в научно-технической сфере пока что успешно опровергают это мнение. Это противоречие – второе направление исследований Цзя Жуйсюэ, то есть политическая экономия науки и технологий. Напряженность между США и КНР все больше влияет на международный научный ландшафт, что имеет определенные последствия как для обеих стран, так и для всего мира. Это исследование помогло ей глубже понять структурные и культурные различия между образовательными системами США и Китая, включая их роль в развитии науки и принятии государственных стратегий.

Опираясь на уникальные данные и рассматривая проблему с разных ракурсов, мы написали ряд статей для ведущих научных журналов по теме образования. И хотя мы интуитивно догадывались об этом, когда росли и работали внутри системы, именно академические исследования позволили нам сформулировать, что китайская система образования является *централизованным иерархическим турниром*. Такая концептуальная рамка помогает нам многое понять не только об образовании, но и о госуправлении Китая, его обществе, а также влиянии на зарубежные образовательные системы.

* * *

Почему *турнир*? Двенадцать школьных лет и сотни промежуточных тестов завершаются одним главным экзаменом. Это финальный матч, из которого школьники выходят победителями или побежденными. Экзамен проводится в июне по всему Китаю, и ежегодно его сдают более десяти миллионов человек. Результат каждого сравнивается с результатами всех остальных в данной провинции. Это значит, что оценить свои успехи можно, только зная, как справились другие. Поступление или непоступление в вуз целиком зависит от результатов абитуриента относительно его сверстников. В этом смысле система образования Китая – это игра с нулевой суммой: если ваш сосед выигрывает, вы, скорее всего, проигрываете. Это резко контрастирует с США, где стандартизированные тесты по типу ACT и SAT⁵ лишь один из многих факторов для приемной комиссии, а на первые курсы вузов обычно проходят абитуриенты с широким диапазоном набранных баллов. Неудивительно, что турнирное устройство создает атмосферу жесткой конкуренции во всей образовательной системе Китая.

⁵ Scholastic Assessment Test (SAT) – стандартизированная система тестирования для поступления в вузы США, проводящаяся с 1901 г. некоммерческой организацией «Совет колледжей» (College Board). American College Testing (ACT) – аналогичная система, существующая с 1959 г. и организуемая одноименной коммерческой компанией. В обоих тестах сдается три предмета – математика, чтение и эссе. Подавляющее большинство вузов США принимают для поступления результаты любого из тестов. – *Прим. науч. ред.*

Что значит *централизованная*? Система образования в Китае создана государством. Поступить в вуз можно только сдав гаокао. Государство в лице профильных органов составляет экзаменационные вопросы, устанавливает даты его проведения, определяет региональные квоты и проходные баллы для каждого университета в каждом регионе. Успехи ученика зависят от того, насколько хорошо он сможет выступить в этих заданных границах. Для большинства студентов альтернативные пути поступления отсутствуют: здесь нет опции «тест не обязательен» и выбора между АСТ или SAT. Все сводится к гаокао – единственному экзамену, к которому ученики готовятся на протяжении всей своей школьной жизни и правила которого устанавливает государство.

Что значит *иерархическая*? Китайская система высшего образования напоминает пирамиду. На ее вершине находятся наиболее элитные вузы, имеющие приоритет при распределении бюджетного финансирования. Поступить в них могут только студенты с лучшими результатами гаокао из каждой провинции. Ниже элитных расположены обычные университеты. Они существенно различаются между собой по репутации и бюджетным возможностям, поэтому делятся на вузы второго, третьего и четвертого уровня. Наконец, в основании пирамиды находятся двух- или трехгодичные профессиональные училища (#####), похожие на колледжи общего образования (community colleges) в США. Однако если в США вполне реально построить успешную карьеру после окончания почти любого учебного заведения, а также можно переводиться в государственные или частные вузы получше, то в Китае многие двери оказываются закрытыми для всех, за исключением тех немногих счастливчиков, поступивших в возрасте восемнадцати лет в один из элитных университетов.

* * *

В рамках этой концепции мы приступаем к исследованию системы образования Китая. Тому, как к ней относятся жители, посвящена первая часть книги. Мы исходим из того, что получение высшего образования является приоритетом для всех типов семей в китайском обществе. Кажется, что их поведение может быть охарактеризовано как одержимость, но на самом деле оно чрезвычайно рационально. Доходы выпускников вузов в Китае в среднем на 40 % выше, чем у лиц без высшего образования. Но еще важнее поступить в *элитный* вуз. Отчасти потому, что те, кто учится в элитном университете, зарабатывают еще на 40 % больше, чем выпускники обычных. Однако в комплекте с дипломом идет настоящий приз – негласный пропуск на вершину социальной иерархии Китая. Без диплома престижного университета крайне сложно, например, получить руководящую должность в государственном секторе. А нахождение на вершине иерархии открывает доступ к скрытым возможностям, помогающим осилить огромные расходы на образование детей, медицину и жилье. Диплом элитного вуза стоит той цены, которую приходится платить за поступление. Семьи по всему Китаю ежегодно участвуют в этом турнире, понимая, что удачливые 5 % получают заветный приз в виде высокого социального статуса и материального благополучия.

Но поступление в элитный вуз для некоторых труднее, чем для остальных. При рождении каждый гражданин КНР получает *хукоу*, то есть постоянную регистрацию (прописку). Регистрационная карта содержит множество сведений, но для наших целей важнее всего место рождения, включая провинцию и конкретный населенный пункт. В рамках общегосударственной системы квот каждой административной единице выделяется определенное число мест для приема в каждый университет. Больше всего мест получают города центрального подчинения, такие как Пекин или Шанхай, где проживает политическая и деловая элита страны⁶.

⁶ Города центрального подчинения (###) – административные единицы высшего уровня в системе территориального деления КНР. В настоящее время их четыре: Пекин, Шанхай, Тяньцзинь и Чунцин. Аналоги российских городов федерального

Более высокие квоты имеют также политически важные регионы, например Синьцзян-Уйгурский автономный округ. За счет такой системы центральное правительство аккуратно контролирует, какая доля жителей каждого региона будет иметь доступ в высший эшелон китайского общества. Но для оценки шансов на поступление в элитный вуз не менее важно, родился ученик в городской или сельской части своей провинции. Нехватка ресурсов и низкое качество школ ставят жителей сельской местности в крайне невыгодное положение. Их шансы получить диплом элитного вуза и серьезно изменить свою жизнь к лучшему гораздо ниже, чем у их городских сверстников. При этом даже с учетом такого неравенства наш анализ показывает, что китайская система образования обеспечивает гораздо более высокую социальную мобильность, чем американская.

Тем не менее системное неравенство сдающих гаокао неоспоримо, и низкий балл влияет не только на поступление в вуз, но и на дальнейшие жизненные перспективы. Важно отметить, что речь идет исключительно о самом экзамене, а не о качестве высшего образования, которое становится доступным благодаря поступлению в вуз. Согласно ряду исследований, сравнивающих академические успехи в разных странах, китайские старшеклассники превосходят иностранных по таким показателям, как критическое мышление, чтение и математика. Однако имеются свидетельства, указывающие на то, что во время обучения в вузе их навыки стагнируют или даже снижаются. Это позволяет предположить, что диплом престижного вуза служит скорее свидетельством имеющихся способностей, нежели ступенью к получению знаний. Действительно, результат гаокао позволяет с высокой точностью предсказать доход десятилетия спустя – вероятно, это происходит за счет силы того сигнала, который получает потенциальный работодатель.

Возвращаясь к тому, с чего мы начали: китайцы одержимы образованием из-за отсутствия иных способов гарантированно изменить свою социально-экономическую судьбу. И, конечно, плохие результаты гаокао также имеют свои последствия, особенно для выходцев из более высоких слоев, которым требуется сохранить свой социальный статус. Слишком многое в жизни зависит от теста, который вчерашний школьник сдает в возрасте восемнадцати лет. Поэтому для китайских семей детское образование, а точнее – повышение балла на гаокао, неизбежно является приоритетом номер один.

После рассмотрения отношений между системой образования и населением во второй части мы переключаем внимание на ее роль в государственном управлении. Современная экзаменационная система КНР – развитие той, что была изобретена более тысячи лет назад и с момента своего зарождения имела политическое измерение. В столь обширной стране императору нужен был способ поиска и отбора на службу наиболее талантливых. Это также служило механизмом контроля: поскольку самые одаренные люди были обязаны своим положением экзамену, вероятность того, что они восстанут против императора, уменьшалась. Несколько раундов высококонкурентных тестов определяли, кто пополнит ряды чиновников – наиболее элитные должности, которые можно было занять в то время.

Хотя императорская система с тех пор была упразднена, цель ее современной версии остается той же – подготовить новое поколение талантливых людей, работающих на ядро государства в лице Коммунистической партии Китая (КПК) и преданных ему. За тысячу лет проб и ошибок система образования эволюционировала, включив в себя множество искусно разработанных элементов. Благодаря обеспечению надежного канала социальной мобильности эти элементы неизменно выступали в качестве стабилизирующей силы китайского общества. Единственным исключением являлись случаи, когда новая власть пыталась навязать системе образования свои приоритеты. Но, как и в любом турнире, никто не любит, когда правила игры

меняются по ходу. Как в далеком прошлом, так и совсем недавно такие перемены приводили к заметным социальным волнениям.

На практике центральное правительство использует два ключевых способа, чтобы максимально эффективно реализовывать свою политическую повестку в рамках системы экзаменов. Оно контролирует количество доступных мест в системе образования (все они относятся к бюджетному сектору) и распределяет полномочия в зависимости от ранга. Образовательная система Китая огромна, и правительство не может управлять ею напрямую. Взамен оно делегирует полномочия местным властям через тщательно выстроенную иерархическую структуру. Централизованный контроль также гарантирует государству монополию на один из ключевых ресурсов развития любой страны мира – человеческий капитал. За счет увеличения бюджетного финансирования и числа мест на определенных специальностях правительство добивается, что учащиеся приобретают тот тип навыков, который необходим стране для дальнейшего экономического развития. Например, в последнее десятилетие в ответ на технологическую конкуренцию с США Китай существенно увеличил число мест на естественно-научных, технических, инженерных и математических специальностях в лучших университетах.

Одной из причин столь высокой централизации образования в Китае является ясное понимание властями его значения для экономической мощи. Образование было одним из важнейших приоритетов руководства в конце 1970-х годов, когда начались рыночные реформы. За этим последовала беспрецедентная волна расширения и модернизации высшей школы на фоне стремительного развития экономики. Анализ показывает, что до трети роста ВВП Китая может объясняться именно образованием. Образовательный бум также способствовал технологическому прогрессу, позволив производить товары лучше, быстрее и дешевле. Конечно, образование было не единственным фактором. Важную роль сыграли ориентированная на рынок внутренняя политика и интеграция в глобальную экосистему. Но теперь, когда Китай вышел на передовые рубежи и должен создавать инновации самостоятельно, те качества, которые изначально обеспечили успехи местного образования (централизованный и иерархический подход турнирного типа), могут помешать стране превзойти США в технологическом плане.

Рассмотрев значение китайской системы образования для жителей и властей, в третьей части мы изучим ее влияние на общественные ценности и ситуацию в США. В Китае в центре многих общественных явлений находится представление о том, что успех зависит от личных заслуг. Несколько опросов показывают веру в то, что заслуги являются результатом интеллекта и упорного труда. Хотя респонденты в Китае, как правило, были более категоричны в ответах, опросы демонстрируют, что и граждане США воспринимают заслуги схожим образом. Но, несмотря на схожие системы ценностей, США и Китай выбрали очень разные подходы к образованию. Особенно ярко это проявляется при зачислении в вузы. Если американские учебные заведения учитывают множество факторов, то в Китае используются исключительно результаты единого экзамена. Чем объясняется это различие? Мы полагаем, что установить систему, основанную на единственном количественном показателе, заставила слабость китайских институтов. Когда на любые другие сферы жизни могут влиять связи и коррупция, меритом могут быть прозрачные и объективные результаты экзамена.

Меритократические системы оценки, призванные компенсировать слабые институты, распространены во всем китайском обществе. Это же относится и к концепции централизованных иерархических турниров. Один из самых ярких примеров этого – само китайское государство. В рамках политического турнира успех чиновника оценивается в первую очередь на основе единственного показателя, установленного центром – роста ВВП. С его помощью главы регионов конкурируют за повышение по службе между собой и со своими предшественниками. Китайские ученые борются за продвижение в бесконечной университетской иерархии также на основе единственного показателя – количестве баллов публикационной активности. Это

лишь два примера, но наш опыт показывает, что подобная модель распространена в китайском обществе повсеместно.

Наконец, мы приходим к тому, как турнирная составляющая добралась и до США. После исторической встречи Ричарда Никсона и Мао Цзэдуна в 1972 году китайские студенты начали выезжать на учебу за рубеж. Последние два десятилетия Китай является важнейшим иностранным источником научных кадров для американских университетов и компаний. Многие из них затем возвращаются на родину, где вносят свой вклад в развитие Китая. Но это взаимовыгодное сотрудничество все чаще сталкивается с политическим и социальным неприятием по мере того, как «империя экзаменов» выходит за пределы Китая. Иммигранты из Китая в свое время преуспели в системе образования турнирного типа, поэтому естественно, что они стремятся передать своим детям те же навыки. И американцы азиатского происхождения действительно стабильно демонстрируют отличные результаты на стандартизированных экзаменах. Однако американские университеты принимают студентов не исключительно на основании результатов тестирования. При зачислении они также учитывают менее осязаемые и более субъективные критерии. Несмотря на лидерство по всем объективным вступительным показателям, азиаты в США сталкиваются с трудностями при поступлении в лучшие учебные заведения. Осознав это, они стали продвигать системы, основанные на баллах, ратуя за объективность и прозрачность как в старших классах, так и в процессе поступления. Их действия оказали влияние на региональный и общенациональный курс в этой сфере и порой способствовали усилению социального раскола, так как американские семьи, не разделяющие турнирный подход к образованию, пытаются избежать участия в нем.

* * *

В Китае экзаменационные баллы представляют собой главное мерило успеха. Система образования, функционирующая как централизованный иерархический турнир, на протяжении более тысячи лет отражала и закрепляла структуру и ценности китайского общества. Эта модель сопровождает многих граждан Китая на протяжении всей жизни.

Стартовая позиция жителя Китая в социальной иерархии определяется при рождении с получением постоянной регистрации. Одним из немногих способов изменить этот стартовый расклад является образование. Но независимо от того, решает ли он участвовать в образовательном турнире или нет, он все равно подчиняется модели, которую воспроизводит система. В условиях иерархии люди неизбежно вынуждены конкурировать. Показатели эффективности работы складских сотрудников (вероятно, не имеющих даже среднего образования) на упаковочных линиях китайской продуктовой сети ранжируются и выводятся на экраны. В крупной китайской технологической компании на вопрос, есть ли у них рейтинг сотрудников, менеджер с некоторым недоумением ответил: «Само собой». Для самых заслуженных граждан иерархия сохраняется даже после смерти: герои революции, высокопоставленные чиновники и другие ключевые фигуры должны быть похоронены не где попало, а на кладбище Бабаошань в Пекине. Некоторых видных деятелей предавали земле именно там даже вопреки их предсмертной воле⁷.

Прежде чем углубиться в эти общественные явления и роль экзаменов в их формировании, нужно сделать оговорку, что в данном случае мы слегка выходим за рамки специалистов по экономике. В наших научных работах мы обычно делаем все возможное, чтобы установить

⁷ Революционное кладбище Бабаошань (#####) – главное мемориальное место кремирования и последующего захоронения высокопоставленных политических и военных деятелей КНР. Расположено в западных пригородах Пекина, является объектом культурного наследия. Утверждение авторов о захоронении там вопреки воле не подтверждается открытыми источниками. При этом достоверно известно, что такие знаковые для современной китайской истории фигуры, как Дэн Сяопин и Лю Шаоци, завещали развеять свой прах над морем, что и было исполнено. – *Прим. науч. ред.*

четкие причинно-следственные связи. Однако в этой части многие выводы, хоть и основаны на десятилетиях исследований, не в меньшей степени базируются и на интуитивном понимании системы. Как бывшие студенты и нынешние преподаватели и родители, мы, казалось бы, должны знать все ответы. Но мы тоже все еще пытаемся понять, что именно движет поведением учеников в Китае и за его пределами. Иллюстрируя количественные исследования примерами из жизни, мы надеемся, что эта книга не только подытожит наши знания, но и поможет читателям, включая тех, кто прошел через эту систему и добился в ней успеха, а также тех, кто только начинает открывать для себя Китай, понять, что из себя представляет местная «империя экзаменов».

Часть I Семья

1

Одержимость

*Разве только князья, военачальники, генералы и министры
рождаются способными на подвиги?!*

#####!

Сыма Цянь. Исторические записки, глава 48. I век до н. э.

Прохладным майским утром 1972 года Малыш Ли сделал свой первый вдох в заводской больнице. Всего за три месяца до этого президент США Ричард Никсон прилетал в Китай на встречу с Мао Цзэдуном, что ознаменовало начало новой эры для страны и ее народа. До этого более двух десятилетий Китай находился в фактической изоляции от Запада. Малыш Ли родился в очень удачное время. Вдали от границ родной провинции Цзилинь⁸ ему предстояло стать свидетелем экономической трансформации и получить огромные преимущества от перемен в истории страны. Но пока этот государственный завод был его домом. Снег в Цзилине еще таял, превращая территорию завода в грязное месиво.

Свои первые годы Малыш Ли провел, ползая по тяжелому оборудованию для производства графитовых электродов. Этот заводской поселок с населением около 100 тыс. жителей, как и многие подобные районы в плановой экономике, напоминал небольшой город, выпускавший продукцию по госзаказу. С момента рождения судьба Малыша Ли была прочно связана с заводом: однажды он должен был бы занять место отца-крановщика. В то время должности при заводе – от школьного учителя до рабочего на линии – были лучшей работой, которую можно было найти, и едва ли не единственным источником стабильности в округе. Малышу Ли повезло, ведь ему была гарантирована комфортная позиция с государственной зарплатой. В его районе были сотни построенных заводом жилых домов, детский сад, начальная, средняя и старшая школы, а также больница и распределительный «магазин». Все, что знал Малыш Ли, и все, что ему, казалось, суждено было знать, – это заводская жизнь. Но когда на человека в месяц выдают лишь один талон на двести граммов свинины и четыре яйца, Малыш Ли также узнавал, что такое голод.

При Мао Цзэдуна в Китае действовала плановая экономика. Другими словами, рынка не было. Во многих смыслах завод Малыша Ли служил микрокосмом всей страны. Все проходило через систему распределения: команды поступали с самого верха системы, а люди в самом низу их исполняли. Те, кто был наверху – центральное правительство, принимали решения о том, что производить, сколько и где; какие товары люди могут потреблять, в каком количестве и когда... список был бесконечен. Рабочие завода делали то, что им говорили. Если им велели произвести тысячу труб, они производили тысячу. Если им давали двести граммов свинины на месяц, они ели эти двести граммов свинины и не более. Альтернатив практически не существовало. Точно так же цены на все в стране, включая оплату труда, определялись центральным плановым органом в Пекине⁹. Заработные платы были низкими, но, что еще важнее, они

⁸ Цзилинь – провинция на северо-востоке Китая, старое название – Гирин. В восточной части граничит с КНДР и Приморским краем России. Крупнейшие города – Чанчунь (административный центр) и Цзилинь, о котором и идет речь. – *Прим. науч. ред.*

⁹ Данное описание более подходит к советской плановой системе, чем к китайской, которая даже в те времена характе-

устанавливались равными для людей с разным уровнем образования. Доход рос в основном в зависимости от стажа или возраста, а не от квалификации. Образование не играло никакой роли¹⁰.

Если тонкости плановой экономики Малыша Ли волновали мало, то вопрос еды стоял остро. Каждый месяц ему со старшим братом поручали идти в магазин отоварить продуктовый талон. Один раз в год – в единственный заводской выходной, не считая государственных праздников, – его семья вместе с остальными рабочими отправлялась в государственный магазин за огромным запасом капусты. Этой капусты должно было хватить на всю зиму, так как других овощей в течение шести месяцев они не видели.

Готовясь к зиме, заводчане солили и заготавливали капусту в огромных чанах высотой в человеческий рост. Оставшуюся свежую капусту аккуратно складывали в погреб и накрывали одеялом, чтобы защитить от суровых цзилиньских холодов. В те редкие дни, когда мама решала приготовить свежую капусту, достать ее всегда поручали Малышу Ли и его брату. Брат всегда спрыгивал в погреб: «Лови!» – кричал он, подбрасывая кочан вверх. Это всегда было любимой домашней обязанностью Малыша Ли. Несмотря на холод, у зимы были свои плюсы.

В 1975 году, семена рука об руку с братом во время ежемесячного похода в магазин за продовольственным пайком, Малыш Ли и его брат увидели двоих мужчин со связанными руками, в высоких узких колпаках, покрытых по всей полуметровой длине позорными надписями. Он узнал их. Это были те самые люди, с которыми его родители почти не общались, презрительно называя их «интеллигентами». Теперь эти люди беспомощно стояли на коленях на городской площади, а толпа осыпала их проклятиями, обвиняя во вредительстве. Брат посмотрел на Ли и сказал фразу, которую тот запомнил на всю жизнь: «Председатель Мао говорит, что это плохие люди». Их детство пришлось на период, который позже назовут Культурной революцией. Им было трудно осознать, как происходящее перед ними связано с лидером страны, и все же в тот день на площади в Цзилينه на глазах у Малыша Ли творилась история.

Когда Малыш подрос и стал ходить самостоятельно, он начал замечать группы рабочих на перерывах. Окутанные табачным дымом, они склонялись над самодельными столами или листами бумаги на земле, передвигая деревянные диски по потрепанным доскам. В четыре года Малыш Ли выиграл у отца свою первую партию в китайские шахматы (сянци). Вдохновленный победой, он сел, скрестив ноги, рядом с рабочими и вызывал их на игру. Его недетское мастерство восхищало их, а порой и заставляло ругаться. Сянци были единственным средством, способным заглушить его голод. Наблюдение за хорошей партией поглощало его целиком, от первого хода до мата. Правила были четкими, а цель – ясной.

Поскольку завод работал в три смены круглосуточно, всегда находился кто-то, с кем можно было сыграть. Рабочие учились игре не по книгам, а в бесконечных баталиях друг с другом после смены. Малыш Ли играл со всеми, кто соглашался, – даже с теми самыми «интеллигентами», которые якобы окончили институт, – лишь бы не видели родители. Он знал: люди, весь день работавшие физически, хотели после смены поработать головой. С самого первого матча Малыш Ли мечтал стать профессиональным шахматистом, попасть в национальную сборную и выигрывать турнир за турниром в Пекине. Все, что он знал о столице, – это рассказы редких взрослых, побывавших там, да старые книги с зернистыми фотографиями огромной площади Тяньаньмэнь. Город казался другой вселенной. Он воображал, что успешные пекинцы за каждой трапезой пируют димсами и мясом и наслаждаются поездками в

ризовалась относительно высоким уровнем децентрализации. Подробнее об этом см.: Изабелла Вебер, *Как Китай избежал шоковой терапии. Дебаты о рыночной реформе* (Ереван: Fortis Press, 2024). – Прим. науч. ред.

¹⁰ Barry Naughton, *The Chinese Economy: Adaptation and Growth*, 2nd ed. (Cambridge, MA: MIT Press, 2018); Yingyi Qian, “A Theory of Shortage in Socialist Economies Based on the ‘Soft Budget Constraint,’” *American Economic Review* 84, no. 1 (1994): 145–156.

сверкающих автомобилях с водителями. Малыш Ли был уверен, что если бы из граждан Китая можно было выстроить пирамиду, то на ее вершине оказались бы жители Пекина. И хотя он не знал наверняка, какое место займет в этой пирамиде, всё же он понимал, что будет смотреть на пекинцев снизу вверх.

Всего несколько месяцев спустя, в сентябре 1976 года, жизнь, к которой так привык Малыш Ли, резко замерла. Взрослых на заводе душили рыдания. Охваченный тревогой, он недоумевал, почему они плачут? Что случилось? Вскоре заплакали и дети. Внезапно он увидел у себя в руках маленький белый цветок – символ траура. Воспитательница детского сада ходила по комнате, раздавая цветы малышам. Слезы текли по ее лицу, когда она объявила: «Председатель Мао умер. Председатель Мао умер». Председатель Мао умер? Для него это мало что значило. Но для всей страны это было грандиозное событие.

После смерти Мао на заводе поселилось чувство необъяснимой тревоги. Морщины на лицах рабочих, с которыми он играл в шахматы, стали глубже и резче, а их приглушенные разговоры зловещим эхом разносились среди станков. Старое радио на кухне гудело новостями о реформах, о системе образования и о Дэн Сяопине, который, как позже узнает Малыш Ли, станет следующим верховным лидером Китая. А затем, в 1978 году, мама усадила его перед собой и безапелляционно заявила: «Ты идешь в школу». На следующий день он впервые в жизни переступил школьный порог.

В следующие годы вся жизнь Малыша Ли – и до уроков, и после – вращалась вокруг двух вещей: где раздобыть еды и с кем сыграть в сянци. К тому времени, когда он перешел в среднюю школу, стало ясно, что его настоящее обучение будет проходить не в классе. Он часто решал задачи по математике раньше самих учителей. Домашнее задание он выполнял за считанные минуты и усваивал материал учебника с первого прочтения. Но он был не против: так оставалось больше времени на сянци. Это было единственное, о чем он мог думать.

Хотя мало какой урок в учебнике для средней школы мог отвлечь его внимание от игровой доски, один запомнился ему особенно: история Фань Цзиня, 54-летнего крестьянина, посвятившего жизнь попыткам – неудачным – пройти первый тур императорских экзаменов в эпоху династии Мин (1368–1644)¹¹. Эта история совершенно сбила Малыша Ли с толку. Он с недоверием перечитывал рассказ о Фань Цзине:

- Сколько вам лет?
- По спискам мне тридцать, а на самом деле пятьдесят четыре года.
- Сколько раз вы экзаменовались?
- Я держу экзамены с двадцати лет, а всего сдавал раз двадцать.
- Почему же вы до сих пор не получили степени сюаю? ¹²– удивился Чжоу.
- Потому, что я выражаю свою мысль неясно, вот учителя и не принимали моих работ¹³.

Раз *двадцать*? Такое упорство Малышу Ли было совсем непонятно. Кто станет мечтать о том, чтобы сдавать экзамен снова и снова? А главное – зачем? Хотя на императорских экзаменах не было ограничений ни по возрасту, ни по количеству попыток, Фань Цзинь потратил немыслимое количество времени и денег на механическую зубрежку и декламацию конфуцианской классики. Но, согласно потрепанному учебнику, если бы Фань Цзинь сдал экзамен, он за одну ночь превратился бы из крестьянина в почтенного чиновника.

Один экзамен мог изменить судьбу – но какой ценой? Казалось, на учебу уходили долгие годы жизни. Малыша Ли поражали ставки в такой игре. Это описание социального уклада

¹¹ Фань Цзинь (##) – персонаж известного китайского сатирического романа «Неофициальная история конфуцианцев» (###), написанного в середине XVIII века. – *Прим. науч. ред.*

¹² Сюаюй (##) – в традиционном Китае обладатель первой, самой младшей степени в системе государственных экзаменов. – *Прим. науч. ред.*

¹³ Jingzi Wu, Gladys Yang, and Xianyi Yang, *The Scholars* (Beijing: Foreign Languages Press, 2004); У Цзин-цзы, *Неофициальная история конфуцианцев* (Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1959), с. 52–53.

династии Мин казалось скорее вымыслом, чем правдой: на заводе именно интеллигенты, образованные работники, считались людьми низшего сорта, а вовсе не элитой. И хотя его это не особо беспокоило – должность отца-крановщика обещала комфорт и безопасность, – его судьба была практически неразрывно связана с заводом. Казалось, никакая школа или сянци не смогут этого изменить. Закрывая учебник, он размышлял о том, как бы он сам справился с императорскими экзаменами. Дни пролетали в череде шахматных партий, и история Фань Цзиня с каждым днем все больше стиралась из памяти.

Ближе к концу обучения в средней школе Ли заметил, что шахматные состязания на заводе уже не те, что прежде. Осталось мало соперников, способных его обыграть, а игнорировать голод становилось все труднее. Наконец, в четырнадцать лет наступил день экзамена в профессиональное училище – испытания, которое должно было определить, хватит ли у него навыков, чтобы занять место отца на заводе. Садясь за работу, он невольно вспомнил усердие Фань Цзиня и усмехнулся про себя. Ему повезло родиться в современном Китае, иначе он мог бы всю жизнь сдавать один и тот же экзамен. К счастью, вступительный тест оказался для Ли легким. Хотя успешная сдача не давала полных гарантий, он был уверен, что получит высокий балл. И действительно, когда пришли результаты, его имя оказалось на первой строчке городского рейтинга. Судьба заводского рабочего стала еще на шаг ближе.

Однако у дяди Ли были на него другие планы. Дядя был единственным знакомым ему человеком, который учился в университете. Кроме этого, все, что Ли знал о дяде, – это то, что у него была очень престижная работа в далеком Пекине.

Так совпало, что дядя гостил у них за неделю до еще одного экзамена, который Ли сдавать не собирался: вступительного экзамена в старшую школу. Засыпая, он слышал настойчивый шепот в гостиной сквозь тонкие стены: «Сестра, все меняется. Образование – Дэн считает это важным. Если твой сын пойдет в старшую школу, он сможет поступить в вуз. Он может стать как я. Он может вырваться. Ты должна разрешить ему сдать экзамен». Хотя слова дяди перекликались с новыми лозунгами, которые Ли часто игнорировал на заводских уроках политграмоты, он не понимал, какое это имеет к нему отношение. Образовательные реформы нового лидера мало касались его жизни на заводе.

Однако уже на следующей неделе недовольный Ли сидел на экзамене, который сдал с блестящими результатами. Он стал знаменитостью завода: в его честь вывесили большой красный транспарант с традиционной каллиграфией, чтобы каждый, проходящий через ворота, видел его имя. Хотя после Культурной революции многие рабочие еще не до конца осознавали ценность образования, они уважали высокие баллы, особенно того, кто раз за разом побеждал их в сянци. Тот самый мальчишка, который рос среди взрослых, поступил в старшую школу – в Школу № 1 города Цилинь. И он был одним из немногих. На его заводе лишь восемь детей из тысячи учились в этой школе. Она была одной из немногих элитных школ провинции и единственной в самом четырехмиллионном городе. Внезапно его будущее на заводе перестало быть предопределенным.

Смена игры: от сянци к гаокао

В старшей школе обстановка была иной. В первый же день Малыш Ли попал в облака табачного дыма. Как и заводские рабочие за шахматными досками, его учителя курили одну за другой. Но, в отличие от рабочих, эти преподаватели только что окончили вузы. Молодые, свободомыслящие и идеалистичные, они разительно отличались от малообразованных учителей на заводе. Они жили в городе и знали о вещах, которые маленькому Ли не могли даже присниться. Они говорили о богатстве Пекина, о значимости высшего образования в политике Дэн Сяопина и фантастическом потенциале Китая вернуть былое величие. При этом они были строгими. Каждый день учитель проверял внешний вид класса. Все ученики – и мальчики, и

девочки – должны были быть коротко острижены. Однажды одноклассник Ли уснул за соседней партой. Учитель подошел, рывком поднял его за волосы и потащил в соседнюю комнату стричься: пока тот спал на парте, стал виден собранный на затылке пучок, обычно скрытый от глаз учителя при проверке.

С жадностью слушая рассказы учителей, Ли начал мечтать о жизни в Пекине. Во время вечерних поездок на скрипучем автобусе его мечта стать профессиональным шахматистом угасала. Родители больше не разрешали ему играть с рабочими после школы, требуя сосредоточиться на учебе. Они тоже стали понимать, что образование может дать в будущем их сыну многое. Вокруг них образованные сотрудники завода – интеллигенты, которые много лет были в опале, – теперь получали более высокие зарплаты и даже премии, их повышали до руководящих должностей. На заводских воротах стали появляться имена детей, поступивших в университеты Пекина. Образование, похоже, становилось чем-то достойным уважения. И родители Ли захотели этого уважения для своего сына.

Скрываясь от бдительных глаз родителей, Ли ускользал на переменах, чтобы поиграть в шахматы. Но с каждым днем это становилось сложнее – учителя заметили в нем способности и усилили контроль. Стоило Ли достать доску, как они неодобрительно качали головой: «Забудь эти увлечения, мальчик, возьмись за книги. Здесь не время для игр». Однажды его едва не поймали во время побега, и Ли с тяжелым сердцем пришел к неоспоримому выводу, что вероятность попасть в Пекин с помощью шахмат близка к нулю. Он даже не знал наверняка, существует ли национальная сборная, не говоря уже о том, как туда попасть. Но, возможно, окончив школу, он, как и его дядя, будет ездить с личным водителем, есть мясо и занимать важную должность. Возможно, он больше никогда не будет голодать и сможет обеспечить сытую жизнь своей семье. После двух лет учебы в городской старшей школе Ли почувствовал, что вынужден отложить свое увлечение шахматами. Он решил выполнять все требования учителей, ведь они знали путь в Пекин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.